

Американская стратегия «достаточного присутствия» на Ближнем Востоке

И.В. Рыжов, М.Ю. Бородина, Т.В. Баранова

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского

Статья посвящена политике США в ближневосточном регионе. Авторами анализируются и сравниваются ключевые векторы американской политики на Ближнем Востоке в период президентства Б. Обамы и Д. Трампа. Отмечается, что первые три года нахождения у власти Дональда Трампа прошли под эгидой ближневосточной политики, которую политологи определили как «стратегию достаточного присутствия». Согласно точке зрения авторов, «стратегия достаточного присутствия» позволяет США сохранять своё существующее политическое влияние, но при этом снижать союзнические обязательства для реализации своих национальных интересов. Кроме того, в работе рассмотрены основные риски и угрозы для интересов США в регионе. Авторы дают свой прогноз относительно возможной ближневосточной политики США после президентских выборов в 2020 г., выделяя три приоритетных направления американской политики на Ближнем Востоке в краткосрочной и среднесрочной перспективе – контроль над рынком углеводородов, борьба с терроризмом, политика в отношении Ирана и противодействие распространению оружия массового уничтожения. В заключение авторами делается вывод о том, что после пандемии, экономического кризиса и массовых беспорядков в Соединённых Штатах Америки внутренняя политика станет для страны более приоритетным направлением.

Ключевые слова: внешняя политика США, политика на Ближнем Востоке, стратегия национальной безопасности США, президентство Д. Трампа, президентство Б. Обамы, США и Ближний Восток, национальные интересы США

В последние годы ближневосточный регион вобрал в себя все элементы нестабильности, начиная от распада государств, заканчивая увеличением числа радикальных экстремистских групп. Данные тенденции создали препятствия для успешной реализации своих внешнеполитических интересов для многих западных государств, в том числе и для США.

Эксперты в области внешней политики по-разному трактуют действия Д. Трампа на Ближнем Востоке. Часть исследователей (Yom 2020: 77-78;

УДК: 327.8

Поступила в редакцию: 10.08.2020 г.

Принята к публикации: 11.10.2020 г.

Mossalanejad 2018: 47-49) убеждены, что на первый взгляд присутствие США на Ближнем Востоке выглядит минимальным, что с большой вероятностью сохранится и после следующей президентской избирательной кампании 2020 г. Другая часть уверена, что Д. Трамп придерживается стратегии, которую внедрила администрация Б. Обамы, несмотря на существенную критику предшествующего президента (Doran 2019: 11; Telhami 2018: 359). Отчасти противоположной является точка зрения исследователей, которые рассматривают действия Д. Трампа на Ближнем Востоке как спонтанные и неопределённые (Морозов 2017: 64; Lynch 2016: 135). По мнению либеральных и неоконсервативных критиков, внешняя политика США при администрации Трампа – «Доктрина Трампа» – представляет собой отказ от глобального лидерства Америки в пользу реакционного популизма и, таким образом, гибель институциональной архитектуры международного порядка после Второй мировой войны (Yom 2020).

Множество работ посвящено осмыслению ближневосточной политики Б. Обамы на посту президента США (Freedman 2017: 242-243; Kalantari 2018: 43-44; Шаклеина, Шаклеин 2016: 50-52; Шумилин 2014: 43-50). Часть исследователей сходятся во мнении, что внутреннюю политику Б. Обамы можно считать успешной, чего нельзя сказать о внешней, особенно на Ближнем Востоке. Хотя Б. Обама подчёркивал проблему прав человека, он, казалось, не обращал внимания на последствия гражданской войны в Сирии, преждевременно вывел американские войска из Ирака, неправильно понял угрозу со стороны ИГИЛ, вмешался в Ливию и Йемен. Единственный успех Б. Обамы на Ближнем Востоке – ядерное соглашение с Ираном (Freedman 2017; O'Hanlon 2012). Другая часть исследователей называет политику США на Ближнем Востоке в период Б. Обамы успешной и учитывающей американские интересы в разрешении ближневосточных конфликтов (Kalantari 2018: 43-44). Б. Обама делал акцент на дипломатии, а не на силе для разрешения конфликтов на Ближнем Востоке (Krieg 2016: 97).

Целью работы является анализ ближневосточной политики США в период президентства Б. Обамы и Д. Трампа, а также рассмотрение возможных сценариев развития политики США на Ближнем Востоке после президентских выборов в 2020 г. в краткосрочной и среднесрочной перспективе.

С помощью метода кейс-стади мы сравниваем ключевые векторы американской политики на Ближнем Востоке в период президентства Б. Обамы и Д. Трампа, выделяя сильные и слабые стороны политики США на Ближнем Востоке.

Для сравнения политических событий и политики США на Ближнем Востоке при Б. Обаме и Д. Трампе мы выделяем несколько критериев. Первый – это место, которое занимает ближневосточная политика в курсе президента и его политической программе, а также в целом во внешней политике США. Второй критерий связан с партнёрами США на Ближнем Востоке в период президентства Б. Обамы и Д.Трампа. Из предыдущего критерия вытекает следующий –

государства, которые занимают конфронтационную позицию по отношению к США в регионе в тот или иной период времени. Четвёртым критерием сравнения является риторика президентов в ходе предвыборных кампаний, а также в период их президентства.

Место ближневосточной политики США во внешнеполитической доктрине Д. Трампа и Б. Обамы: общее и особенное

После прихода Д. Трампа к власти в США в ноябре 2016 г. перед Америкой встала проблема выработки новой, отвечающей современным реалиям внешнеполитической стратегии на Ближнем Востоке. Команда нового президента США ориентировалась на следующие ключевые вопросы. Во-первых, это краткосрочные и долгосрочные интересы США в регионе. Во-вторых, это угрозы для американской внешней политики в регионе. Основной такой угрозой для США выступают радикальные режимы и группы, поэтому их нейтрализация и сохранение безопасности является одной из ключевых задач политики США на Ближнем Востоке. Одним из главных приоритетов администрации Д. Трампа стала борьба с ИГИЛ. 28 января 2017 г. он поручил Пентагону разработать расширенный план «уничтожения ИГИЛ». В-третьих, это выгоды и возможности для США от своего присутствия в региональных делах. В-четвёртых, это не только сохранение прежнего влияния в регионе, но и его расширение. Более того, ближневосточный курс Б. Обамы привёл к утрате доверия многих региональных элит к США, снижению уверенности в способности обеспечить их защиту, поскольку американцы уже не были единственным влиятельным внешним игроком в регионе. «Приход» России в Сирию и на Ближний Восток способствовал укреплению этой тенденции¹. После вступления в должность Д. Трамп больше полагался на военнослужащих, чем предыдущие администрации, а также на советников Белого дома, а не на Государственный департамент.

Оценивая политику Б. Обамы, Трамп отмечал, что теперь ему необходимо прекратить то безобразие, которое он наследовал на Ближнем Востоке: «Я справлюсь с этим, но начнём с того, что угодить в эту ситуацию было катастрофической ошибкой в долларовом исчислении и человеческих жизнях»². Однако стратегия США при Трампе не претерпела значительных изменений. Он также, как и Б. Обама, увеличил число американских войск в Афганистане и старался обеспечить механизм «достаточного присутствия» США на Ближнем Востоке за

¹ Сучков М. Стратегия «достаточного присутствия»: политика США на Ближнем Востоке при Д. Трампе. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/strategiya-dostatochnogo-prisutstviya-politika-ssha-na-blizhnem-vostoke-pri-d-trampe/> (дата обращения 20.10.2020).

² Trump says US presence in Middle East is a «mistake in lives and dollars» [Электронный ресурс]. URL: <https://www.yenisafak.com/en/world/trump-says-us-presence-in-middle-east-is-a-mistake-in-lives-and-dollars-2819124> (accessed 20.10.2020).

счёт снижения союзнических обязательств Вашингтона, но при этом сохраняя политическое влияние в регионе.

Ближний Восток был ключевым полигоном для внешней политики Б. Обамы. Такие события, как «арабская весна», многонациональная военная интервенция под руководством НАТО в Ливии, гражданская война в Сирии и сложный процесс, который привёл к ядерному соглашению с Ираном, можно рассматривать как отражение «доктрины Обамы» (The Long Game... 2016: 240, 242).

Многие кризисы, которые до сих пор мучают Ближний Восток, стали вызовом для новой администрации Д. Трампа³. Американский президент неоднократно выражал презрение к давним арабским партнёрам США, таким как Саудовская Аравия и другие страны Персидского залива, на том основании, что Вашингтон предоставляет им защиту, не получая достаточно взамен⁴. Однако во время избирательной кампании Трамп продемонстрировал совершенно другое отношение к Израилю. Новый президент охарактеризовал Израиль как «нашего великого друга и единственную истинную демократию на Ближнем Востоке» и часто заявлял, что его предшественники не оказали достаточной поддержки этому государству⁵.

Во время предвыборной кампании Д. Трамп был склонен воспринимать военную роль США в регионе скорее с точки зрения борьбы с терроризмом, чем с точки зрения государственного строительства. Во время своей предвыборной речи он заявил следующее: «Если я стану президентом, то эпоха государственного строительства закончится»⁶. По словам Дональда Трампа, США не следует читать лекции ближневосточным режимам о гражданских свободах, а сосредоточиться на том, насколько они эффективны в борьбе с «терроризмом» в регионе.

Однако другие аспекты, характеризующие отношение Трампа и сотрудников его администрации к Ближнему Востоку, указывают на гораздо более экспансивный и идеологический политический подход. Главные фигуры в команде национальной безопасности Трампа, включая первых и близких политических советников, таких как Стив Бэннон и генерал Майкл Флинн, были сторонниками эскалации, настойчивого и интервенционистского подхода. Несмотря на то, что С. Бэннон был уволен, а М. Флинн подал в отставку, выбор советников президента в целом показывает определённый курс. Флинн описывал «радикальный ислам» как «тоталитарную идеологию» и утверждал, что она ведёт

³ Nasr, V. Trump's Big Test in the Middle East. The Atlantic, November 25. 2016. P25-29.

⁴ Meet the Press Transcript [Электронный ресурс]. URL: <https://www.nbcnews.com/meet-the-press/meet-press-transcript-august-16-2015-n412636> (accessed 20.10.2020).

⁵ Transcript: Donald Trump's Foreign Policy Speech [Электронный ресурс]. URL: <https://www.nytimes.com/2016/04/28/us/politics/transcript-trump-foreign-policy.html> (accessed 20.10.2020).

⁶ Donald Trump's speech on fighting terrorism [Электронный ресурс]. URL: <https://www.politico.com/story/2016/08/donald-trump-terrorism-speech-227025> (accessed 20.10.2020).

«мировую войну» против Запада, особенно против США и Израиля. Стратегия, которую он предлагал, представляла собой масштабные военные, экономические и дипломатические усилия, направленные на то, чтобы сокрушить «радикальных исламистов», дискредитировать их идеологию и лишить их укрытий (Flynn 2016: 132). Бэннон и Флинн также высказались за расширение сотрудничества с Россией против «радикального ислама» на Ближнем Востоке. Во время предвыборной речи Д. Трамп заявил, что борьба с «радикальным исламом» должна стать главной темой политики национальной безопасности, а также основой для придания нового значения и цели НАТО и американской сети альянсов на Ближнем Востоке⁷.

Нетрадиционная риторика Трампа и его советников отражает мировоззрение, которое долгое время поддерживалось рядом консервативных идеологов и политиков. Есть много параллелей между концепциями Трампа и идеями, которые легли в основу «Войны с террором», начатой администрацией Дж. Буша-мл. после событий 11 сентября 2001 г., и перекликается с тезисом С. Хантингтона (Huntington 1993) о столкновении цивилизаций.

Прагматизм и опора на союзников – ключевой принцип ближневосточной политики Д. Трампа

Первые три года нахождения у власти Трамп проводил ближневосточную политику, которую некоторые политологи назвали «стратегией достаточного присутствия». Согласно данной стратегии, США сохраняют своё уже существующее политическое влияние, но при этом снижают союзнические обязательства. Таким образом сохраняется контроль над регионом. Определённым шагом в сторону «стратегии достаточного присутствия» стало восстановление отношений с традиционными партнёрами США в регионе, например, с Саудовской Аравией и Израилем⁸.

США пытаются создать такую расстановку сил в регионе, которая в первую очередь будет выгодна самой Америке, а также её союзникам, и уже после этого сопредельным «центрам», таким как Европейский союз. Вашингтон стремится создать такие центры силы на Ближнем Востоке, которые бы находились в зависимости от США.

Соединённые Штаты активно поддерживают военный и политический потенциал Израиля. Израиль рассматривается в качестве одного из основных союзников на Ближнем Востоке. Кроме того, поддержка еврейского государства – это не только и не столько сохранение и поддержание своей национальной безо-

⁷ Donald Trump's speech on fighting terrorism [Электронный ресурс]. URL: <https://www.politico.com/story/2016/08/donald-trump-terrorism-speech-227025> (accessed 20.10.2020).

⁸ Лукьянов Г.В. США на Ближнем Востоке: в поисках новой реальности. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/interview/ssha-na-blizhnem-vostoke-v-poiskakh-novoy-realnosti/> (дата обращения: 20.10.2020).

пасности, сколько политическое обязательство, которое США выполняют с момента появления Израиля на политической карте мира. Американцы рассматривают Израиль как единственное демократическое государство на Ближнем Востоке, что приобретает для них особенно большое значение при проводимой политике насаждения демократии⁹.

Администрация Трампа наращивает влияние в мусульманской среде, развивая отношения с Саудовской Аравией. Именно КСА было выбрано в качестве первой страны, которую Трамп посетил после президентских выборов. США выступают для Саудовской Аравии гарантом обеспечения безопасности, а также ключевым союзником для построения такой системы безопасности, которая бы не шла в разрез с интересами самой КСА¹⁰. Следует отметить, что у США и Саудовской Аравии есть общая внешнеполитическая цель – не допустить растущего влияния в регионе Ирана. В Стратегии национальной безопасности США за 2017 г. Иран упоминается 17 раз и упоминается в контексте предотвращения преобладания в регионе «любой силы, враждебной Соединённым Штатам» (Thompson 2018: 2). Именно Иран и Саудовская Аравия олицетворяют суннитско-шиитское противостояние, которое влияет на международные отношения и региональную безопасность на Ближнем Востоке. Саудовская Аравия и Иран используют религиозные противоречия между суннитами и шиитами, придавая им политическую окраску (Рыжов 2019: 170).

В этой связи интересно подписание между Д. Трампом и королём Саудовской Аравии Салманом крупнейшего в истории соглашения о поставке военной помощи в размере 110 млрд долл., а также 350 млрд в течение ближайших 10 лет. Именно саудиты оказывают поддержку силам, борющимся с растущим влиянием Тегерана, в частности с его поддержкой боевиков «Хезболлы», ХАМАС и режима Башара Асада. Нельзя забывать и об «Аль-Каиде», с которой саудовские войска в коалиции с другими государствами Персидского залива, воюют на территории Йемена¹¹. Саудовская Аравия выстраивает отношения на Ближнем Востоке не только с учётом своих интересов, но и так, чтобы это устраивало США.

Продажа оружия также является центральным компонентом экономической политики США на Ближнем Востоке. В период с 2013 по 2017 гг. почти половина экспорта вооружений США направлялась в регион, прежде всего в Саудовскую Аравию, а также в Египет и Объединённые Арабские Эмираты. США также являются крупнейшим торговым партнером Израиля, прежде всего, в области полупроводников и телекоммуникационного оборудования.

⁹ Подцероб А.Б. Ближневосточная политика США [Электронный ресурс]. URL: <http://www.iimes.ru/rus/stat/2008/05-02-08b.htm> (дата обращения: 20.10.2020).

¹⁰ Косач Г.Г. Отношения между странами Залива и США при президенте Б. Обаме: саудовский взгляд. URL: <http://www.iimes.ru/?p=7980> (дата обращения: 20.10.2020).

¹¹ Кравченко И. Трамп покорил Ближний Восток [Электронный ресурс]. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/political-life-of-usa/tramp-pokoril-blizhniy-vostok/> (дата обращения: 20.10.2020).

Проблемное партнёрство США и Турции

Что касается отношений США и Турции, то приход к власти Б. Обамы ознаменовал не только значительные изменения в двусторонних отношениях. В 2009 г. Барак Обама посетил Турцию и обратился к Великому национальному собранию. Суть обращения можно свести к следующему: «Турция со своей светской демократией подала пример исламскому миру. Турция должна продолжать этот путь, а другие должны следовать»¹².

Это была перезагрузка в двусторонних отношениях после разочарования администрации Дж. Буша-мл. в связи с отказом Турции участвовать во вторжении в Ирак в 2003 г. Однако американо-турецкая «перезагрузка» длилась недолго. Вовлечённость Анкары в события в Сирии и актуализация и обострение курдского вопроса вызвали спад в отношениях с Вашингтоном. При Д. Трампе турецко-американские отношения стали самыми напряжёнными за последние 40 лет (по состоянию на 2017 г.)¹³. Однако уже в 2020 г. наметились некоторые точки сближения между двумя государствами. Д. Трамп не выступил против интервенций в Сирии и Ливии со стороны Турции, а даже поддержал это решение. К тому же президент США не стал накладывать санкции на Турцию за покупку российских ракет С-400, что во многом спасло турецко-американские отношения. Изменения коснулись и внешней политики самой Анкары. Интерес к европейским перспективам страны катастрофически слабеет, а Турция стремится не только к региональному лидерству на Ближнем Востоке, но и во всём исламском мире и проявляет амбиции глобального игрока. Кроме того, существуют серьёзные противоречия внутри НАТО (турецко-греческие), бассейне Чёрного моря и на Кавказе, которые в целом окажут не самое положительное влияние на внешнюю политику Турции¹⁴.

В последнее время краеугольным камнем турецко-американских взаимоотношений является поддержка курдов со стороны США. Следует отметить, что США одобряет создание и поддержку автономии курдов в Северном Ираке. Согласно проекту Нового Ближнего Востока, США стремятся изменить границы 24 стран. О концепции «Нового Ближнего Востока» впервые начали говорить в июне 2006 г. в Тель-Авиве. Эта концепция была представлена 66-м Государственным секретарем США Кондолизой Райс, а понятие было призвано заменить термин «Большой Ближний Восток». Позже Израиль официально начал использовать это понятие, а премьер-министр Израиля Э. Ольмерт и секретарь

¹² Семь заявлений Обамы с трибуны Каирского университета [Электронный ресурс]. URL: <https://ria.ru/20090604/173280962.html> (дата обращения: 20.10.2020).

¹³ Relations between Turkey and America are near breaking point. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.economist.com/europe/2017/10/14/ties-between-turkey-and-america-are-near-breaking-point> (accessed 20.10.2020).

¹⁴ Князев А. Геополитика Турции и мозаика американского проекта «Большого Ближнего Востока». URL: <http://www.fondsk.ru/news/2011/04/03/geopolitika-turcii-i-mozaika-amerikanskogo-proekta-bbv.html> (дата обращения: 20.10.2020).

США К. Райс сделали заявление в мировые СМИ, что реализация проекта «Нового Ближнего Востока» началась с Ливана¹⁵.

Автор термина «Новый Ближний Восток» Ральф Петерс в статье «Кровавые границы» в издании *Armed Forces Journal* показал, что США для достижения своих глобальных целей и господства готовы пойти на передел всего ближневосточного региона – от Израиля и Турции до Афганистана и Пакистана. Подполковник Р. Петерс рассматривал это с позиции заботы об интересах местных народов и опубликовал карты корректировки границ Ближнего Востока. По его мнению, существующие границы вынуждают местные народы конфликтовать между собой и ввязываться в бесконечные войны.

Согласно этой стратегии, курдское квазигосударство в Северном Ираке – Курдистан рассматривается, как одна из опорных точек политики США на Ближнем Востоке. Создание этой опорной точки должно произойти в результате раздела Ирака на региональные государства и после этого выделения Курдистана¹⁶. Территория Курдистана является важнейшей, потому что позволяет контролировать ситуацию в Турции с одной стороны, и следить за действиями Ирана с другой.

Следует отметить, что политика Д. Трампа в отношении курдов и Турции носит весьма неоднозначный характер. От угроз разорить Турцию санкциями, если та начнет военную операцию против курдов в Сирии, до обещаний Белого дома прекратить поддержку этих же самых сирийских курдов. После попытки свержения Т. Эрдогана в Турции, турецкие силовики арестовали двух сотрудников американского генконсульства по подозрению в поддержке заговора против действующей власти. Ситуация усугублялась и в связи с личностью Ф. Гюлена, который считался турецким правительством главным организатором путча, и лишением США турецких граждан неиммиграционных виз. В 2018 г. Турция подверглась американским санкциям в результате увеличения пошлины на алюминий (на 20%) и на сталь (50%). Эти действия привели к резкому падению курса турецкой лиры. Тогда президент США Д. Трамп потребовал отпустить американского пастора Эндрю Брансона, которого в Турции держали в тюрьме по обвинению в участии в путче 2016 г. Конфликт прекратился только после того, как турецкий суд внезапно отпустил пастора на свободу.

Иран, как приоритетный противник США на Ближнем Востоке

Политика Америки в отношении Ирана является ещё одним важным, но неоднозначным показателем внешнеполитических намерений Дональда Трампа. Иран после исламской революции стал главным врагом США в регионе. От-

¹⁵ «Кровавые границы»: карта «Нового Ближнего Востока» – до и после. URL: <http://www.reg-num.ru/news/district-abroad/world/776025.html> (дата обращения: 20.10.2020).

¹⁶ Перинчек М. Проект Великого Ближнего Востока и новая миссия НАТО [Электронный ресурс]. URL: <http://meast.ru/?p=425> (дата обращения: 20.10.2020)

ношения между двумя странами, однако, стали менее напряжёнными с момента заключения ядерной сделки в июле 2015 г. Соглашение – одно из наиболее заметных дипломатических достижений администрации Б. Обамы, которое направлено на обеспечение невоенного развития ядерной программы Ирана в обмен на постепенное снятие международных экономических санкций против Тегерана. В 2015 г. Иран, Европейский союз и постоянные члены Совета Безопасности ООН (Соединённые Штаты, Великобритания, Китай, Франция и Россия плюс Германия) провели переговоры о Совместном всеобъемлющем плане действий (СВПД) об ограничении ядерной деятельности Ирана в обмен на ослабление санкционного давления. Дональд Трамп же подверг резкой критике данную сделку¹⁷. Убийство иранского генерала Касема Сулеймани в январе 2020 г. стало поводом для резкого обострения отношений между США и Ираном. В ответ на убийство генерала Иран выпустил ракеты по базам в Ираке, где расположен военный контингент армии США. После этого Дональд Трамп принимает решение ввести новые экономические санкции против Ирана.

В июне 2020 г. президент Ирана Хасан Роухани заявил, что несмотря на проводимую Соединёнными Штатами политику, Иран готов идти на компромисс и провести переговоры. По его словам, для Ирана совершенно не играет никакой роли, кто победит на предстоящих президентских выборах в США. Основное требование – это соблюдение норм международного права и обязательств в рамках Совместного всеобъемлющего плана действий¹⁸. Что же касается самого плана, то по мнению целого ряда аналитиков, он носил весьма спорный и двусмысленный характер. Первые критические замечания касались того факта, что СВПД позволил Ирану частично продолжить свою ядерную программу и не ограничил разработку ракет. СВПД предусматривал смягчение санкций в отношении Ирана по широкой номенклатуре видов деятельности в обмен на ограничение только одной области – ядерного потенциала. Сторонники данного документа утверждали, что без соглашения Иран мог бы продолжать свою ядерную программу без контроля и, что наличие соглашения улучшило бы общую безопасность региона и открыло двери для США и их союзников для решения других угроз безопасности со стороны Ирана¹⁹.

Президент Д. Трамп отказался пройти повторную сертификацию СВПД в октябре 2017 г. и официально прекратил участие США в Сделке в мае 2018 г., сославшись на отсутствие прогресса, ограничивающее программу развития ядерного оружия Ирана, и неспособность надлежащим образом справиться с

¹⁷ Baker, P. 2015. G.O.P. Senators' Letter to Iran About Nuclear Deal Angers White House. *The New York Times*. March 9. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.nytimes.com/2015/03/10/world/asia/white-house-faults-gop-senators-letter-to-irans-leaders.html> (accessed 20.10.2020).

¹⁸ Иран назвал условия возобновления диалога с США [Электронный ресурс]. URL: <https://rg.ru/2020/06/24/iran-nazval-usloviia-vozobnovleniia-dialoga-s-ssha.html> (дата обращения 20.10.2020).

¹⁹ Gary Samore. The Iran Nuclear Deal: A Definitive Guide [Электронный ресурс]. URL: <https://www.belfercenter.org/publication/iran-nuclear-deal-definitive-guide> (accessed 20.10.2020).

ракетной программой Ирана²⁰. Иранская «программа баллистических ракет и поддержка терроризма и региональных игроков, таких как правительство Сирии, «Хезболла» и «ХАМАС», также вызывает растущую обеспокоенность. В ответ на действия США Иран объявил в мае 2019 г., что он сокращает ограничения на свою ядерную программу и в январе 2020 г. Иран официально отменяет взятые на себя ограничения по обогащению урана. Это побудило Великобританию, Францию и Германию официально обвинить Иран в нарушении условий СВПД, что может привести к повторному введению санкций ООН.

Стратегия национальной безопасности США подчёркивает необходимость постоянной поддержки странам Ближнего Востока в деле модернизации их экономики. Тем не менее администрация также стремится оказать максимальное давление на иранский режим в форме международных санкций с конечной целью довести экспорт нефти Ирана до нуля. По словам аналитика по международным отношениям Мартина Индика, США больше не зависят от ближневосточной нефти, это означает, что обеспечение свободного потока нефти из района Персидского залива по разумным ценам всё ещё остаётся важным вопросом, но уже не жизненно важным стратегическим интересом.

Американский подход к урегулированию сирийского кризиса также нацелен на недопущение растущего влияния Ирана в регионе. При Трампе была разработана Стратегия по урегулированию сирийского кризиса, которая помимо прочего преследовала такие цели как, противостояние силам режима Б. Асада и их союзникам на всей территории Сирии и поддержку нового этапа развития страны без Асада. Реализация данной стратегии во многом связана со стремлением США не допустить разделение ответственности за сирийское урегулирование между Россией и Ираном. Как уже отмечалось выше, в данном вопросе США снова может использовать в своих интересах создание Курдистана, поскольку его наличие позволит контролировать новообразованные государства на территории Ирака (Рыжов 2014: 385).

Положение Республиканской партии на политической арене США

Пандемия коронавируса вынудила десятки миллионов американцев остаться без работы, а массовые беспорядки на расовой почве вновь всколыхнули американские города. Рейтинг одобрения политики Д. Трампа, редко превышающий 45%, резко упал. Кандидат от Демократической партии Джо Байден опережает Трампа на 10 пунктов в большинстве опросов – и даже в штатах, где поддержка республиканской партии традиционно сильна, таких как Техас²¹.

²⁰ Center for Preventive Action. The Top Conflicts to Watch in 2019: Iran. 2019 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.cfr.org/blog/top-conflicts-watch-2019-iran> (accessed 20.10.2020).

²¹ After Trump, will America turn away from the Middle East? [Электронный ресурс]. URL: <https://www.thenational.ae/opinion/after-trump-will-america-turn-away-from-the-middle-east-1.1035737> (accessed 20.10.2020).

Республиканцы справедливо беспокоятся о потере своего большинства в Сенате США. Вместе с тем возможны изменения и в ближневосточной политике Соединённых Штатов. На первый план в связи пандемией выходят другие вопросы – экономические и внутривнутриполитические проблемы, а также проблема изменения климата. Для Демократической партии климатическая проблема стала одним из главных вопросов в 2009-2010 гг. Десять лет назад законопроект о климате был одобрен Палатой представителей, но не прошёл через Сенат, и никогда больше не поднимался. Администрация Б. Обамы позже приняла некоторые законопроекты по климату. Но всегда климат занимал третье или четвёртое место после в ряду государственных приоритетов. На этот раз климат будет одной из главных проблем для демократов. За последнее десятилетие обеспокоенность климатом возросла среди сторонников демократической партии. Почти 90% из них считают климат неотложным вопросом²².

Также стоит обратить внимание на особенность процесса принятия политических решений в США. Этот процесс децентрализован, есть несколько центров принятия решений. Особенно это ощущается при президентстве Д. Трампа, когда политические институты определяют повестку дня и различные вектора развития политики, в том числе и ближневосточной. Одной из основных задач новой администрации станет консолидация процесса принятия политических решений, чтобы президент США мог централизовать и координировать его.

Перспективы ближневосточной политики США

Политика Вашингтона в отношении Ближнего Востока вряд ли претерпит серьёзные изменения, независимо от результатов президентских выборов в ноябре. Единственное, что может измениться, если к власти придёт Д. Байден, США вернутся к ядерной сделке по Совместному всеобъемлющему плану действий.

Подводя итог, можно сказать, что ключевыми и опорными точками в политике США на Ближнем Востоке в среднесрочной перспективе будут следующие вопросы: углеводородное сырьё, борьба с терроризмом, противодействие распространению оружия массового уничтожения. Добыча нефти в Персидском заливе по-прежнему оказывает большое влияние на мировые цены на нефть, которые в свою очередь влияют на энергетический рынок США. Второй интерес касается борьбы с терроризмом, США чувствуют себя уверенно в киберпространстве, однако борьба с международным терроризмом не даёт Соединённым Штатам покинуть Сирию и Афганистан. Третье – это противодействие распространению оружия массового уничтожения и переговоры вокруг ядерной программы Ирана. Традиционно этот аспект ближневосточной политики являет-

²² Там же.

ся одним из приоритетных для любой американской администрации. На наш взгляд, эти три проблемы станут ключевыми в ближневосточной политике для следующего президента США и его администрации.

Таким образом, главной целью современной ближневосточной политики США становится поиск государств-единомышленников, которые, действуя в интересах США, могут обеспечить то самое американское «присутствие» в регионе без фактического присутствия. Благодаря чему, у США сохраняются рычаги воздействия практически на все проблемы ближневосточного региона, а главные угрозы интересам США находятся под постоянным присмотром. В ближайшей перспективе именно Соединённые Штаты останутся наиболее значимым игроком на мировой арене, и на Ближнем Востоке, в частности.

После прихода Д. Трампа к власти перед США встала необходимость выработки новой внешнеполитической стратегии на Ближнем Востоке, учитывая специфику региона и исходящие оттуда угрозы для национальной безопасности Америки, такие как нестабильная политическая ситуация в ряде стран, радикальные режимы, борьба с терроризмом, в том числе с ИГИЛ. Кроме того, важнейшей задачей для администрации Трампа стали попытки вернуть утраченное влияние в ближневосточном регионе, что ознаменовалось проведением так называемой «стратегией достаточного присутствия» и поддержкой государств – «центров силы», например Израиля.

Отличительной чертой политики Д. Трампа в регионе может считаться смена риторики в отношении иранской ядерной программы вплоть до введения новых экономических санкций. Более того, с недопущением растущего влияния Ирана и России в регионе связан американский подход к урегулированию сирийского кризиса.

Существенные изменения претерпели и американо-турецкие отношения, которые вплоть до 2017 г. были весьма напряжёнными. Государствам удалось найти точки соприкосновения по ряду вопросов международной политики. Однако, ситуацию по-прежнему существенно осложняет американская поддержка курдов в их стремлении к автономии.

Немаловажно, что рейтинги Трампа в Америке падают, в связи с чем существует вероятность, что Трамп проиграет предстоящие президентские выборы своему оппоненту Д. Байдену. Однако, стремясь спрогнозировать перспективы ближневосточной политики США в случае победы Д. Байдена, авторы пришли к выводу, что она не претерпит существенных изменений, кроме подхода к ядерной сделке с Ираном. Ключевыми задачами американской внешней политики, по-прежнему, останутся борьба с терроризмом, противодействие распространению оружия массового уничтожения, а также поиск государств-единомышленников в регионе.

Об авторах:

Игорь Валерьевич Рыжов – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории и политики России Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского. 603005, Россия, Нижний Новгород, ул. Ульянова, д. 2. E-mail: ivr@fmo.unn.ru

Мария Юрьевна Бородин – ассистент кафедры истории и политики России Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского. 603005, Россия, Нижний Новгород, ул. Ульянова, д. 2. E-mail: borodina.m-u@yandex.ru

Татьяна Владимировна Баранова – аспирант кафедры теории политики и коммуникации Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского. 603005, Россия, Нижний Новгород, ул. Ульянова, д. 2. E-mail: sky-ellize@yandex.ru

Конфликт интересов: Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Благодарности: Статья выполнена в рамках гранта РФФИ № 20-014-00039А «Модели и риски сотрудничества в регионе Ближнего и Среднего Востока в первой четверти XXI века».

Received: August 10, 2020
Accepted: October 11, 2020

American Strategy of "Sufficient Presence" in the Middle East

I.V. Ryzhov, M.Yu. Borodina, T.V. Baranova
[DOI 10.24833/2071-8160-2020-5-74-236-251](https://doi.org/10.24833/2071-8160-2020-5-74-236-251)

National Research Nizhny Novgorod State University
named after N. I. Lobachevsky

Abstract: After D. Trump came to power it started developing a new US Middle East policy, based on the regional threat assessment, such as the unstable political situation in a number of regional countries, radical regimes, terrorism, especially ISIS. In addition, the most important task for the Trump administration was to try to regain lost US influence in the region, which resulted in the so-called "strategy of sufficient presence" and in the support of regional allies, "centers of power" such as Israel.

A distinctive feature of D. Trump's policy in the region can be considered a change in rhetoric regarding the Iranian nuclear program up to the introduction of new economic sanctions. Moreover, the American approach to the settlement of the Syrian crisis is connected with the prevention of the growing influence of Iran and Russia in the region.

American-Turkish relations also underwent significant changes, which were very tense until 2017. The states managed to find common ground on a number of issues of international politics. However, the situation is still significantly complicated by American support for the Kurds in their quest for autonomy.

Trump's ratings at home are falling, and therefore there is a possibility that Trump will lose the upcoming presidential elections to his opponent D. Biden. However, trying to predict the prospects of the US Middle East policy in the event of D. Biden's victory, the authors came to the conclusion that it will not undergo significant changes, except for the nuclear

deal with Iran. The key tasks of American foreign policy will remain the fight against terrorism, countering the proliferation of weapons of mass destruction, and the search for like-minded states in the region.

Keywords: US foreign policy, politics in the Middle East, the national security strategy of the United States, the presidency of D. Trump, President B. Obama, USA and the Middle East, U.S. national interests

About the authors:

Igor V. Ryzhov – Doctor of Historical Sciences, Professor, head of the Department of history and politics of Russia of the National research Lobachevsky state University of Nizhny Novgorod. 603005, Russia, Nizhny Novgorod, Ulyanov str., 2. E-mail: ivr@fmo.unn.ru

Maria Ju. Borodina – Assistant of the Department of History and Politics of Russia at the National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod. Ulyanov str., 2, 603005, Nizhny Novgorod, Russia. E-mail: borodina.m-u@yandex.ru

Tatyana V. Baranova – PhD student of the Department of political theory and communication of the National research Lobachevsky state University of Nizhny Novgorod, Ulyanov str., 2, 603005, Russia. E-mail: sky-ellize@yandex.ru

Conflict of interests: Authors declare the absence of the conflict of interests.

Acknowledgements: The article was made within the framework of Russian Foundation for basic research grant no. 20-014-00039A "Models and risks of cooperation in the Middle East region in the first quarter of the XXI century".

References:

- Flynn M., Ledeen M. 2016. *The Field of Fight: How We Can Win the Global War against Radical Islam and Its Allies*. New York: St. Martin's. 208 p.
- Freedman R.O. 2017. The Obama Legacy in the Middle East and the Trump Challenge. *India Quarterly*. 73(2). P. 241-250. DOI: 10.1177/0974928417699917
- Gordon P.H., Doran M., Alterman J.B. 2019. The Trump Administration's Middle East Policy: A Mid-Term Assessment. *Middle East Policy*. 26(1). P. 5-30.
- Huntington S. 1993. A Clash of Civilizations? *Foreign Affairs*. 72(3). P. 22-49.
- Krieg A. 2016. Externalizing the Burden of War: The Obama Doctrine and US Foreign Policy in the Middle East. *International Affairs*. 92(1). P. 97-113. DOI: 10.1111/1468-2346.12506
- Lynch M. 2016. Belligerent Minimalism: The Trump Administration and the Middle East. *Washington Quarterly*. 39(4). P. 127-144. DOI: 10.1080/0163660X.2016.1263920
- Miller P. D. 2012. The Fading Arab Oil Empire. *The National Interests*. №120. P. 38-43.
- Mossalanejad A. 2018. The Middle East Security and Donald Trump's Grand Strategy. *Geopolitics Quarterly*. 13(4). P. 20-52.
- Telhami S. 2018. Trump's Reckless Middle East Gambles. *Current History*. 117(803). P. 359-362. DOI: 10.1525/curh.2018.117.803.359
- Chollet D. *The Long Game: How Obama Defied Washington and Redefined America's Role in the World*. Public Affairs. 245 p.
- Thompson J. 2018. Trump's Middle East Policy. *CSS Analyses in Security Policy*. 23(3). P. 1-4.

Yom S. 2020. US Foreign Policy in the Middle East: The Logic of Hegemonic Retreat. *Global Policy*. 11(1). P. 75-83.

Walker W. 2009. *National Security and Core Values in American History*. Cambridge; New York: Cambridge Univ. Press. 259 pp.

Karasova T.A. 2019. Novye tendencii v regional'noj politike Izrailya (2009-2019 g) [New Trends in Israel's Regional Policy (2009-2019)]. *MGIMO Review of International Relations*. 12(4). P. 180- 200. DOI: 10.24833/2071-8160-2019-4-67-180-200. (In Russian).

Ryzhov I.V. 2006. Problemy regional'nogo liderstva v sovremennoj sisteme mezhdunarodnyh otnoshenij: nekotorye teoreticheskie aspekty [Problems of Regional Leadership in the Modern System of International Relations: Some Theoretical Aspects]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. Seriya Mezhdunarodnye otnosheniya. Politologiya. Regionovedenie*. 2(5). P.10-18. (In Russian).

Ryzhov I.V., Borodina M.Yu., Dorofeev F.A. 2019. Sunnitsko-shiitskoe protivostoyanie. Iran i Saudovskaya Araviya v bor'be za regional'noe liderstvo [Sunni-Shiite Confrontation. Iran and Saudi Arabia in the Fight for Regional Leadership] *Svobodnaya mysl'*. 1(1673). P. 169-180. (In Russian).

Ryzhov I.V., Krivov S.V. 2014. Politika SSHA i balanssil na Blizhnem Vostoke: ot klyuchevykh ochagov vozdejstviya k nejtralizacii radikal'nyh re-zhimov [US Policy and the Balance of Power in the Middle East: from Key Hotbeds of Influence to Neutralizing Radical Regimes]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo*. 1(1). P. 382-389. (In Russian).

Svistunova I.A. 2019. Turecko-iranske otnosheniya na Blizhnem Vostoke: v poiskah regional'nogo balansa [Turkish-Iranian Relations in the Middle East: in Search of Regional Balance]. *MGIMO Review of International Relations*. 12(4). P. 130-144. DOI:10.24833/2071-8160-2019-4-67-130-144. (In Russian).

Shakleina T. A., Shaklein V. V. Strategiya SSHA posle Obamy. *Mezhdunarodnyye protsessy*. 2016. 14(4). P. 49-66. (In Russian).

Shumilin A.I. Siriyskiy krizis i politika SSHA na Blizhnem Vostoke. [The Syrian Crisis and US Policy in the Middle East] *SSHA i Kanada: eko-nomika, politika, kul'tura*. 2014. 4(532). P.43-54. (In Russian).

Список литературы на русском языке:

Карасова Т.А. 2019. Новые тенденции в региональной политике Израиля (2009-2019 г). *Вестник МГИМО-Университета*. 12(4). С. 180- 200. DOI: 10.24833/2071-8160-2019-4-67-180-200.

Морозов Ю.В. 2017. Возможная американская политика на Ближнем Востоке при президенте США Д. Трампе. *США и Канада: экономика, политика, культура*. 11(575). С. 54-68.

Рыжов И.В. 2006. Проблемы регионального лидерства в современной системе международных отношений: некоторые теоретические аспекты. *Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия Международные отношения. Политология. Регионоведение*. 2(5). С.10-18.

Рыжов И.В., Бородин М.Ю., Дорофеев Ф.А. 2019. Суннитско-шиитское противостояние. Иран и Саудовская Аравия в борьбе за региональное лидерство. *Свободная мысль*. 1(1673). С. 169-180.

Рыжов И.В., Кривов С.В. 2014. Политика США и баланс сил на Ближнем Востоке: от ключевых очагов воздействия к нейтрализации радикальных режимов. *Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского*. 1(1). С. 382-389.

Свистунова И.А. 2019. Турецко-иранские отношения на Ближнем Востоке: в поисках регионального баланса. *Вестник МГИМО-Университета*. 12(4). С. 130-144. DOI: 10.24833/2071-8160-2019-4-67-130-144.

Шаклеина Т. А., Шаклеин В.В. 2016. Стратегия США после Обамы. *Международные процессы*. 14(4). С. 49-66.

Шумилин А.И. 2014. Сирийский кризис и политика США на Ближнем Востоке. *США и Канада: экономика, политика, культура*. 4(532). С.43-54.